

КОНЦЕПТ КОНФОРМИЗМА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

Александр Александрович ЕРМОЛЕНКО,

доктор экономических наук, профессор,
Южный институт менеджмента,
г. Краснодар, Россия,
e-mail: ermolenko_alex@inbox.ru;

Ольга Валентиновна БРИЖАК,

кандидат экономических наук, доцент,
Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, Россия,
e-mail: brizhak71@mail.ru

На современном этапе переплетение множества сложных и разнонаправленных трансформационных процессов создает специфические условия для хозяйственного развития, формируя различного рода проблемные узлы, в исследовании которых востребованы новые идеи, междисциплинарные возможности, а также результаты переосмысления ранее сложившихся концепций. В данном отношении интерес вызывает концепция конформизма, возникшая в 30–40-е гг. XX в. Ее познавательные возможности успешно апробированы на разных направлениях научных исследований (в психологии, биологии, социологии и т.д.), позитивно проявили себя в ряде междисциплинарных исследований.

Переосмысление существующих представлений о конформизме и применение соответствующих результатов становится актуальным для российской экономической науки, в частности, в направлении анализа узловых проблем, сложившихся на пересечении нескольких трансформационных процессов. Авторы обосновывают правомерность, актуальность и необходимость использования методологического инструментария концепции конформизма, осмысленного применительно к условиям современного этапа экономического развития, для системного анализа результатов экономических преобразований, относящихся к современным интегрированным формам: крупным корпорациям, территориальным хозяйственным образованиям и др. Широкое применение данного инструментария может привести к интересным результатам в плане разработки продуктивных направлений развития российской экономики в условиях действия внешних ограничений, а также в плане обогащения методологического и теоретического арсенала экономической науки.

Авторы обращают внимание на междисциплинарный характер заявленной научной проблемы, поскольку для ее разработки востребованы возможно-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Конформирование корпоративного капитала в условиях системных социально-экономических преобразований» № 17-02-00384.

сти, сформировавшиеся на различных направлениях научного поиска: анализ генезиса феномена и взаимосвязей между различными этапами его развития, персонификация отношений, складывающихся в экономической системе, анализ результатов воздействия на развитие системы совокупности факторов, имеющих различную природу при сохранении концептуальной целостности исследования, продуктивное комбинирование различных научных подходов, выраживание новых институтов. Авторы стремятся к адекватной оценке потенциала адаптации к совокупности трансформационных процессов, которыми обладают системные субъекты экономических отношений, вовлеченные в указанные процессы.

Ключевые слова: конформизм; трансформация экономических отношений; методология; адаптация; неравномерность

THE CONCEPT OF CONFORMISM: NEW POSSIBILITIES IN THE STUDY OF TRANSFORMATION OF ECONOMIC RELATIONS

Alexander A. ERMOLENKO,
 Doct. Sci. (Econ.), Professor,
 Southern Institute of Management,
 Krasnodar, Russia,
 e-mail: ermolenko_alex@inbox.ru;

Olga V. BRIZHAK,
 Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
 Kuban State Technological University,
 Krasnodar, Russia,
 e-mail: brizhak71@mail.ru

At the present stage the interweaving of a variety of complex and multidirectional transformation processes creates specific conditions for economic development, forming a different kind of problem nodes in the study who demand new ideas, interdisciplinary opportunities, as well as the results of the reconsideration of the previously established concepts. In this respect interest is the concept of conformity that occurred in the 30th–40th years of the twentieth century. Her cognitive ability has been successfully tested on different research areas (psychology, biology, sociology, etc.), positively manifested itself in a number of interdisciplinary research.

Rethinking existing ideas about the conformity and the application of the relevant results is important for the Russian economic science, in particular in the direction of analysis of the key issues that emerged at the crossroads of several transformation processes. The authors substantiate the legitimacy, relevance and necessity of using methodological tools concept of conformism, meaningful as applied to modern stage of economic development, the system analysis results of the economic transformations related to modern integrated forms: large corporations, territorial economic formations, etc. Wide application of this tool can lead to interesting results in terms of development of the productive sphere of the Russian economy development in conditions of external constraints, as well as in terms of enrichment of the methodological and theoretical Arsenal of economic science.

The authors focus on the interdisciplinary nature of the alleged scientific problems because of its design popular features formed on various areas of scientific

research: analysis of the Genesis of the phenomenon and relationships between the various stages of its development, personalization of relations in the economic system, analysis of the results of the development impact of system factors that have a different nature while maintaining the conceptual integrity of the study, a productive combination of various scientific approaches, the cultivation of new institutions. The authors strive for an adequate assessment of potential adaptation to a set of transformation processes, which have systemic economic actors involved in these processes.

Keywords: conformity; transformation of economic relations; methodology; adaptation; unevenness

Acknowledgements: The study was funded by RFBR, the research project No. 16-00-00001.

JEL classifications: A12, O30, P12

Постановка проблемы

Переплетение глубоких технологических сдвигов, свидетельствующих о становлении шестого уклада динамичных преобразований организационных механизмов, пронизывающих все уровни хозяйственных связей, институциональных изменений, затрагивающих сообщества различных масштабов, стало отличительным признаком современного этапа социально-экономического развития (Глазьев, 2013). Под воздействием совокупности трансформационных процессов, обладающих различной природой, развитие экономических отношений теряет свою внутреннюю упорядоченность, системная организация хозяйственной жизни подрывается. Между тесно связанными между собой компонентами экономических систем различного уровня возникают существенные разрывы, интересы соответствующих субъектов выходят из режима согласования, неравномерность развития возрастает. Одними из первых обратили внимание на нарастание неравномерности эволюционного процесса Р. Гильфердинг и А. Пигу, однако ситуация в начале третьего тысячелетия качественно отличается от исследованной ими ситуации становления господства финансового капитала, что обуславливает потребность в углубленном системном анализе последствий воздействия совокупности трансформационных процессов на движение сложных экономических систем, формирующих каркас современной общественно-хозяйственной жизни (Гильфердинг, 1959; Pigou, 1927, vol. 1, chap. 7, p. 274). Поскольку трансформации ослабляют и подрывают системное взаимодействие, обособляя и отчуждая прежде связанные, но подвергнутые существенным изменениям формы экономических отношений (Бузгалин и Колганов, 2015), то в указанном системном анализе востребованы дополнительные возможности, содержащиеся в известном концепте конформизма, прошедшем успешную апробацию на различных направлениях научного поиска.

Феномен конформизма

Феномен конформизма привлек к себе внимание исследователей в середине XX в.; выделим вклад в его разработку и формирование соответствующего концепта, произведенный Ж.-П. Сартром и Э. Фроммом (Sartre, 1960; 1957; Фромм, 1990). Ж.-П. Сартр рассматривает конформизм под углом зрения свободы индивида, которая открывает дорогу к творческим проявлениям личности. Но творчество составляет лишь краткий момент жизни, когда индивид ощущает внутреннюю силу созидательного озарения,

поднимающую его к вершинам жизни. Творя, человек обретает крохотное счастье в мире Тошноты (*Сартр, 2000*). Речь идет о том, что человек свободен в той мере, в какой он способен принимать решения и брать на себя ответственность, не перекладывая ее на других субъектов.

В то же время человек вынужден жить в обществе, что возможно лишь при условии отказа от самого себя, поскольку там господствуют массовые, коллективные формы жизни, превращающие человека в существо, отчужденное от самого себя, своих личностных возможностей. Соответственно, в обществе индивидуальность подавлена коллективными формами жизни, конформна, что находит проявление в рабском сознании, где формы самостоятельного мышления (идейного творчества) вытесняются нормами общественного порядка и общественного мнения. В таком сознании и сила науки представляется чуждой человеку, опасной для него силой (*Андерсен, 2016; Sartre, 1996, pp. 65–76*).

Характерно, что Ж.-П. Сартр определяет конформизм как всеобщее отношение индивида и общества, пронизывающее все исторические эпохи, социальные страты, уклады и т.п. Здесь мы имеем дело с абстрактным понятием конформизма, неизбежным на старте исследования соответствующего феномена, но бедным в содержательном отношении. Выделяя рациональное зерно указанного определения, отметим, что в его рамках конформизм предстает как индивидуальный результат процесса отчуждения от человека его сущностных сил, предназначенных для преобразования природы и общества; то, что призвано созидать, отделяется от человека и становится средством его подчинения, чуждой ему силой, уступая давлению которой, человек поневоле превращается в конформиста, т.е. преобразует свою деятельность, чувства и мысли адекватно требованиям, которые он получает из внешней среды.

Преобразуем представленное выше абстрактное понятие с учетом наличия различных исторических ступеней социально-экономического развития. На каждой такой ступени складывается свой механизм доминирования общественных сил над индивидом, подкрепленный инструментами контроля и обеспечивающий эффективное социальное встраивание его личностного потенциала, форм деятельности, способов поведения и мышления в развивающуюся общественно-хозяйственную систему (*Garforth & Kerr, 2011*). Это встраивание может быть примитивным или изощренным, явным или замаскированным, но во всех случаях оно обеспечивает движение системы. Конформизм выступает в качестве необходимого условия индивидуального вклада в результаты системного развития и опирающегося на данный вклад участия в распределении и потреблении.

На капиталистической ступени развития указанное встраивание индивида обеспечивает движение системы социально-экономических отношений посредством сведения личностного потенциала к рабочей силе, купли-продажи ее и извлечения прибыли, обеспечивающей потребности системного развития (*Schumpeter, 1991; Weber, 1978*). Для этого разработан и апробирован целый арсенал инструментов конформизма: убеждение, запугивание, социальное нормирование жизни, манипулирование, поддержка «нужных» способов поведения и личностных реакций, стратификация и др. (*Лукач, 1991; Leibenstein, 1976*).

В своем предельном выражении конформизм выступает, как полное растворение индивида в потоке системного движения, беспрекословное следование навязываемым извне нормам и правилам, сведение к нулю способности самостоятельно мыслить и созидать. Но движение системы социально-экономических отношений тяготеет не к предельным величинам, а к результирующим сложным компромиссам – «золотым серединам». Под углом зрения таких результирующих конформизм предстает как способность индивида органично встраиваться в общественное движение, гибкость, способность к выстраиванию комбинаций и включению в них, рациональность поведения и мышления, адаптивность к динамичным и глубоким системным изменениям (*Mises,*

1966; Коулмен, 2001). С учетом приведенных выше положений, вряд ли правомерно оценивать конформизм как одностороннюю жертву, которую индивид приносит обществу, в которое он встраивается, поскольку данный процесс не только преобразует его личностный потенциал в соответствии с системными потребностями, но и предоставляет ему определенные системные возможности: пользование элементами инфраструктуры, обретение новых компетенций, включение в продуктивные процессы и др. Сведение конформизма только к приспособленчеству, подчинению системному диктату, потере индивидуальности и способности самостоятельно мыслить, отказу от принятия собственных решений искусственно ограничивает познавательный потенциал данного понятия (Arrighi, 2006; Моравиа, 2004).

Для современного этапа развития характерно массовое манипулирование людьми с помощью достижений технологического прогресса в области коммуникаций. Для этого применяются генерация и распространение «фейковых» новостей, а также псевдознаний, вовлечение людей в закрытые сообщества и др. Соответственно, для адекватного понимания новых проявлений конформизма востребованы ресурсы концепции ограниченной рациональности (Simon, 1957), концепции экзистенциального обоснования выбора, а также концепции креативного человека, в которых определены современные возможности и ограничения встраивания индивида в развивающуюся систему отношений (Shachle, 1972; Foster, 1987).

Анализируя новые явления в общественно-хозяйственной жизни, сторонники институциональной теории выделили основные способы упорядочивания и закрепления результатов встраивания индивидов в развивающуюся систему отношений: официальные нормы и неписаные традиции, устойчивые формы контрактов, способы экономического поведения, статусы и др. Организованная совокупность таких способов упорядочивания и закрепления образует институциональный «каркас» конформизма, востребованный в анализе и обосновании социально-экономической политики (Williamson, 1993; Иншаков, 2005). Исходя из такого каркаса, можно выделить ряд конформных типов, присущих различным системам социально-экономических отношений:

- *homo economicus* – человек экономический, выстраивающий свое поведение по принципу рационального эгоизма, выбирающий оптимальный, а не прямой путь к достижению цели, придерживающийся принципов рациональной адаптации к среде существования, движимый своим экономическим интересом;
- *homo soveticus* – человек советский, с определенным набором социальных ценностей, принципов и стереотипов поведения, встроенный в систему централизованной экономики, подвергнутый огосударствлению, выступающий в качестве рупора политики «партии и правительства»;
- *homo creator* – человек творческий, представитель «креативного класса», которому предстоит интегрироваться в еще только устанавливающуюся систему «экономики, основанной на знаниях».

Резюмируя приведенные выше положения, сформулируем вывод, что в политико-экономическом исследовании различных аспектов конформизма востребованы познавательные возможности системного и институционального подходов.

Переосмысление концепции конформизма в современных условиях

В современной научной литературе зафиксирована тенденция инерционности, разрыва в развитии социального типа человека, обусловленная запаздыванием у многих членов общества изменений их личностных параметров в процессе глубоких технологических сдвигов и других системных преобразований. Процесс перехода к новому качеству личностного потенциала, отстающий от системных изменений в экономике, социальной структуре, политической организации, порождает «социальные миражи», выпадающие из системной связи типы личности с соответствующими стереотипами поведения и формами общественного сознания (Бузгалин и Колганов,

2015). Фактически, речь идет о системных сбоях в конформизме, о возникновении ряда уродливых форм в процессе встраивания многих людей в движение системы социально-экономических отношений. Указанное обстоятельство само по себе способствует углублению существующих представлений о конформизме, но, как будет показано далее, дело не только в нем.

В условиях ускорения глобальных постиндустриальных преобразований и перехода к новой экономике приходят в кризисное состояние многие системные связи, сложившиеся в условиях индустриальной экономики. Переплетение трансформационных процессов вызывает к жизни дезинтеграцию ряда системных образований, разнонаправленное движение различных объектов, ранее тесно связанных друг с другом, масштабные разрывы, несбалансированность между отдельными изменениями и т.п. Траектории движения систем, прежде вовлеченных в состав метасистемных образований, становятся несогласованными, что подрывает метасистемные связи.

С учетом указанных обстоятельств формируется потребность в переосмыслении концепции конформизма, раскроем ее. Во-первых, классическое представление о конформизме, исходящее из необходимости встраивания индивида в движение системы социально-экономических отношений, в новых условиях развития нуждается в расширенном толковании, поскольку системное взаимодействие в расширяющемся хозяйственном пространстве существенно усложняется:

- формируются и получают развитие многочисленные корпоративные и пространственные формы интегрированных субъектов экономических отношений, что не позволяет адекватно отобразить указанное взаимодействие с помощью одной только пары противоположностей «индивид–система» (*Торчинова и Ермоленко, 2015*);
- система национальной экономики втягивается в интеграционное взаимодействие, что обуславливает формирование неустойчивых мета-системных образований с ее участием и трудное, обремененное попятными движениями, становление органической системы глобальной экономики (*Krugman, 2017*).

Во-вторых, становящаяся органическая система глобальной экономики и ее метасистемные и собственно системные компоненты в условиях нарастающего потока трансформаций претерпевают деструкцию, дезинтеграцию, функциональные изменения, в них усиливаются несбалансированность и несоразмерность, что вызывает к жизни ослабление и подрыв системного качества связей, входящих в них компонентов и актуализирует задачу реновации системных связей (*Piketty, 2014*). С учетом указанного обстоятельства, проблема конформизма усложняется и качественно преобразуется, речь идет уже о встраивании в изменяющихся условиях развития одних системных образований в другие системные образования, относящиеся к более высокому уровню. В таком случае встраивание индивида в систему-организацию или простейшую пространственную систему (например, местное хозяйство) становится лишь простейшим случаем конформизма, образуя исходный пункт в его последовательном развертывании.

Применительно к расширенному толкованию конформизма остается в силе вывод, что конформизм представляет собой способ персонификации форм отчуждения, поскольку встраивание в развивающуюся систему видоизменяет все характеристики встраиваемого субъекта, подчиняет его потенциал потребностям движения системы (*Бузгалин и Колганов, 2015*). Системный характер субъекта лишь усложняет персонификацию отчуждения – речь идет о субъектном воплощении требований системы к созидательному потенциалу, которым обладает уже не отдельный индивид, а имеющий сложную структуру интегрированный субъект, применительно к которому в условиях переплетения социально-экономических трансформаций происходит взрывное усиление или резкое ослабление созидательных возможностей, что в последнем случае означает деградацию интегрированного субъекта, т.е. негативный продукт процесса встраивания.

Расширенное толкование конформизма обуславливает фокусирование внимания на вербальности встраивания различных субъектов (от индивида до субъектного воплощения огромного пространственного хозяйства) в развивающуюся систему. Конформизм как объективно обусловленный процесс есть конформирование, в ходе которого имеет место как адаптация встраивающегося субъекта к особенностям принимающей его системы, так и встречное приспособление системы к особенностям указанного субъекта. Отметим, что соответствующими издержками обременены обе взаимодействующие стороны; одна из важных задач социально-экономической политики в области системных преобразований состоит в адекватном учете и регулировании данных издержек.

Процессуальный подход к интересующему нас феномену позволяет по-иному раскрыть содержание нонконформизма. Речь идет вовсе не о бегстве от отчуждения в некую «философскую пустыню», а о стремлении изменить отношение человека к жизни, в которую он встраивается, входит в качестве элемента системы социально-экономических отношений. Было бы ошибочно видеть в нонконформизме проявление своеволия субъекта или желание замаскировать посредством интеграции в систему свое тайное желание в дальнейшем взорвать ее изнутри. Напротив, здесь воплощена социальная ответственность субъекта за результаты своей деятельности как вклад в общее системное развитие. Подлинное преодоление отчуждения – это не подрыв системных связей, в которые по необходимости погружены субъекты, а обеспечение соразмерности развития системы в целом и ее субъектных компонентов, что несравненно сложнее, нежели стремление разрушить мир отчуждения «до основания».

Конформирование обеспечивает неразрывную связь всех многообразных субъектных компонентов общественно-хозяйственной жизни, позволяя согласовать их интересы и интерес всей системы как интегрированного субъекта, а также органично включить все специфические способности данных компонентов в процесс развития органической системной целостности. Важнейшую роль в конформировании играют рынки, на которых взвешиваются и получают общественную оценку те возможности, которые предлагают развивающейся системе те, кто в нее встраивается, а также продукты жизнедеятельности, которыми обмениваются различные системы (Бродель, 2006а; Wallerstein, 1989). Добавим к этому, что рынки позволяют оценить и включить в общественный обмен те субъектные компоненты, которые выделяются из состава развивающихся систем в ходе их дезинтеграции (например, структурные компоненты крупных корпораций, в кризисных ситуациях получающие права самостоятельных хозяйствующих субъектов).

Система, в которую вписываются субъекты в процессе конформирования, обволакивает и пронизывает их, ориентирует всю их жизнь с помощью норм своей институциональной среды, предлагаемых форм контрактов, поддерживаемых (желательных) способов поведения, закрепляемых за субъектами статусов и т.д. Этот инструментарий порождает благоприятствующий системному развитию социально-экономический климат, в котором «множество множеств» различных субъектных компонентов обеспечивает воспроизводство всей системы как органической целостности. Ф. Бродель выделяет в развивающейся мироэкономической системе четыре различных среза, которые находятся между собой в отношениях многочисленных корреляций, взаимодействующих друг друга, пронизанных противодействующими потоками, препятствиями, то ускоряющими, то тормозящими системное развитие: экономика, социальная иерархия, политика, культура (Бродель, 2006b; 2006c). В данном разграничении – ключ к анализу процесса конформирования, где обеспечивается соразмерность экономического, социального, политического и культурного развития множества участвующих в данном процессе субъектов. Концентрация внимания на каком-то одном из срезов в ущерб другим приводит к ущербным результатам, что проявляется в конкурентном взаимодействии систем; в данном отношении характерен пример России как военно-

политического «колосса на глиняных ногах», не выдержавшего жесткого испытания мировой войной 1914–1918 гг.

Каждая развивающаяся система воспроизводится в определенном пространственно-временном контексте конкретной совокупностью субъектов, которая встраивается в систему, следуя доминирующим в ней правилам, постепенно преобразуя и совершенствуя такие правила в соответствии с имеющимися и вновь создаваемыми здесь возможностями. В рамках конформирования данных субъектов доминируют специфические системные технологии согласования интересов и оптимизации результатов системного развития, соответствующие набору экономических ресурсов, которыми располагают субъекты. Такие технологии изначально предлагаются системой и специфицируют действия субъектов, которые в дальнейшем шаг за шагом, опираясь на метод проб и ошибок, обновляют и модернизируют их, накапливая наилучшие варианты кооперации и конкуренции в системной среде. Соответственно, представление о конформировании позволяет целостно представить систему детерминации экономических действий (индивидуальных, групповых и массовых) и рассматривать их в жестком социально-экономическом контексте исторически необратимой системной реальности, которая побуждает входящих в нее субъектов действовать определенным образом. Под таким углом анализа утрачиваются иллюзии независимости экономического поведения участников развивающейся системы.

Встраивание корпоративного капитала в преобразуемую систему экономики России

Современный этап эволюционного процесса обозначил формирование достаточно устойчивого феномена «новой экономической реальности», в основе которого – реакция хозяйственных систем на качественно новые технологические вызовы (*Глазьев, 2015; Krugman, 2005*). Системная оценка указанного феномена – это самостоятельная научная задача; в данном исследовании мы ограничимся анализом его применительно к заявленной научной проблеме. Под углом зрения ресурсного обеспечения развития экономической системы России формирование «новой экономической реальности» означает отказ от ожидания прихода инвесторов откуда-то извне и концентрация внимания на собственных, внутренних ресурсах развития. В экономике России, на протяжении последних трех лет практически отчужденной от масштабных иностранных инвестиций и сталкивающейся с жесткими бюджетными ограничениями, вместе с тем накоплен опыт адаптации к «новой экономической реальности», в том числе опыт закрытия неэффективных и затратных программ, опыт замещения импорта и др. Выделим в данном отношении опыт конформирования развития отечественного корпоративного капитала.

Проблемы встраивания корпоративного капитала в преобразуемую систему экономики России вышли на поверхность в 90-х гг. XX в. Этому способствовали внешние мировые тренды (успехи корпоративного капитала в ведущих странах мира, мировой финансовый кризис 1997–1998 гг., неустойчивость развития данного капитала в странах периферийного рынка и пр.) и внутренние факторы (необходимость привлечения инвестиций в страну, низкий уровень конкурентоспособности большей части корпораций на финансовом рынке, недостаточно высокий уровень корпоративного управления) (*Mamedov et al., 2016*).

Становление современного корпоративного сектора России происходило и происходит в процессе системной трансформации национальной экономики, обусловленной совокупностью факторов: специфическими условиями первоначального накопления капитала; чрезмерными заимствованиями институтов экономической системы; возрастанием роли «ручного» регулирования в ходе ослабления механизмов саморегулирования. В результате, в качестве интегрированного субъекта преобразований в отечественной экономике вместо достигшего определенного уровня развития соб-

ственно корпоративного капитала выступает некий субъект-суррогат, выросший из обломка бывшей пирамиды централизованного хозяйства и только внешне напоминающий указанный капитал. Проблема встраивания корпоративного капитала в преобразуемую систему экономики России заключается в том, что в основе экономической власти данного капитала лежит не столько корпоративная концентрация производительных сил, сколько монопольный доступ к тем или иным ресурсам, т.е. возможности извлечения соответствующей ренты. В силу указанного обстоятельства конформирование корпоративного капитала искажается, а главными результатами данного процесса становятся глобальная неконкурентоспособность соответствующего сектора экономики и его низкая производительность (*Нуреев и Латов, 2015*).

Как известно, в трансформационных процессах монопольным «поставщиком» формальных институтов является государство как единственный субъект, обладающий правом принуждения исполнения правовых норм и правил экономического поведения. Но в условиях ориентации развития экономики на извлечение ренты от добычи и продажи природных ресурсов государственный интерес сплошь и рядом подменяется частным интересом чиновников как представителей государства, что порождает негативную форму встраивания корпоративного капитала в поток системных преобразований – изготовление норм, контрактов и селекция форм экономического поведения «под заказ» конкретных субъектов. В итоге государственное регулирование корпоративного сектора подменяется лоббированием интересов узкой группы участников корпоративных отношений, «ручное» управление вытесняет слабые механизмы системного саморазвития, усиливается диффузия неформальных отношений и деформация корпоративной собственности (*Брижак, 2014*).

В корпоративном секторе в условиях рентной ориентации развития выделяется особая группа компаний, вовлеченная в «доверительные отношения» с властью. Как правило, это крупные корпорации, функционирующие в нефтегазовом комплексе и формирующие основную часть национального дохода. Применительно к этой группе компаний конформирование сводится к хорошо известному сращиванию государственной власти и частной собственности. Применительно к остальным корпорациям, не вовлеченным в «доверительные отношения» с властью, конформирование либо осуществляется с избыточными издержками, либо сводится к формальности, в результате чего многие сферы приложения и направления развития корпоративного капитала выталкиваются на дальнюю периферию системы национальной экономики и отчуждаются от траектории современного развития. Указанное обстоятельство во многом объясняет безуспешность попыток перевода национальной экономики на инновационный путь развития, хроническую структурную отсталость, разрастание в хозяйственном пространстве ареала депрессивности, устойчивый отток капитала, не находящего себе эффективного приложения и др.

В экономике, ориентированной на добычу и продажу природных ресурсов, очень слабы стимулы для занятия преобразованиями и расширения производства продуктов с высокой долей добавленной стоимости (*Мамедов, 2016*). Здесь ослабляются и зачастую полностью затухают проникающие из внешней среды импульсы постиндустриальных преобразований. Вместе с тем корпоративный капитал ряда секторов такой экономики вынужден выходить на мировые рынки, конкурировать, формировать необходимые преимущества, что обуславливает необходимость преодоления существующего конформизма, создает потребность в создании качественно новых механизмов конформирования. Возникают зоны принципиально нового роста, генерирующие импульсы преобразований и адресующие их существующей системе социально-экономических отношений. Корпоративный капитал начинает маневрировать, изменяется сам и обуславливает системные изменения; однако данный процесс может протекать вяло, охватывая длительный период, или вообще угасать, если система социально-экономических отношений отчуждена от преобразований и остается качественно неизменной.

За последние годы в конформировании развития корпоративного капитала возник новый фактор: противоречия развития постиндустриальных преобразований и изменения в технологиях производства, их пространственном распределении привели к осмыслению необходимости неоиндустриализации национальной экономики, позволяющей создать качественно новую индустриальную базу, способную обеспечить технологические потребности постиндустриальных преобразований. Старая промышленность, отвечавшая потребностям централизованной экономики, была обрушена в ходе рыночных преобразований, но торгово-развлекательные центры и жилищные комплексы, возведенные на оставшихся после нее инфраструктурных площадках, не могут стать связующим звеном между индустриальным и постиндустриальным строем общественной жизни. Для обеспечения стратегической конкурентоспособности корпоративного капитала неоиндустриализация стала жизненно необходимым процессом (Нуреев, 2016).

Разделенность корпоративного капитала на действительный и фиктивный накладывает свой отпечаток на процесс конформирования. Есть время собирать камни, и есть время их разбрасывать; аналогично есть время доминирования фиктивного капитала, и есть время доминирования действительного капитала. Дж. Арриги выделил в истории капитала сменяющие друг друга фазы преобладания финансового капитала и фазы преобладания действительного капитала (Арриги, 2006). Секрет успеха и долгой жизни корпоративного капитала заключается в его способности в любой момент изменить самого себя: избрать новый курс, сменить формы проявления, доминанты, сферы приложения. Изменяясь, он опирается на присущую ему раздвоенность, каждый раз находя новые способы синтеза своих противоположных сторон, проявляя необходимую гибкость и создавая новые формы отношений, которые вначале кажутся эклектичными и неспособными к саморазвитию, что в дальнейшем опровергается.

Качественные изменения функций, структуры, способа институционального упорядочивания корпоративного капитала, представленного как хозяйственная целостность, происходящие под воздействием «новой экономической реальности» системы и соотнесенные с ней определяют миссию конформирования корпоративного капитала – органичное встраивание данного процесса в контекст системных социально-экономических преобразований, обеспечение необходимой соразмерности трансформаций, предотвращение возникающих в данном отношении разрывов, угрожающих устойчивости движения корпоративного капитала и системной организации экономических отношений.

Перспективы разработки концепта конформизма

В середине XX в. введение в оборот научного исследования категориального концепта «конформизм» позволило раскрыть социально-экономические результаты встраивания индивидуальных субъектов в общественно-хозяйственные системы, оценить возникающие в указанном встраивании формы личностного отчуждения. Переосмысление данного концепта применительно к условиям переплетения множества сложных трансформационных процессов приводит нас к выводам о расширении границ исследуемого проблемного поля; включении в него сложных интегрированных субъектов и социально-экономических систем различных уровней организации; необходимости фокусирования внимания на процессуальных аспектах соответствующего феномена, что предполагает разработку понятия конформирования, отражающего процесс взаимного взаимопроникновения указанных субъектов и систем, вовлеченных в переплетающиеся трансформации.

Оценивая содержание процесса конформирования, отметим, что в нем соединены два различных момента: во-первых, адаптация встраивающегося субъекта к особенностям принимающей его социально-экономической системы; во-вторых, встречное приспособление указанной системы к особенностям входящего в нее субъекта.

Принципиально важно то, что соответствующими издержками обременены обе стороны процесса конформирования: встраивающийся субъект и принимающая его система. Отсюда задачи социально-экономической политики в области системных преобразований: адекватный учет, регулирование величины указанных издержек, обеспечение их соразмерности потенциалу сторон конформирования.

В системном анализе изменений форм экономических отношений, осуществляемом с помощью результатов переосмысления концепта конформизма, возникают дополнительные возможности исследования предпосылок, процесса и результатов встраивания разных по своей организации субъектов (от индивида до персонифицированных форм транснационального корпоративного капитала) в претерпевающие преобразования социально-экономические системы различного уровня (от наносистемы домохозяйства до глобальной системы отношений мировой экономики).

ЛИТЕРАТУРА

- Андерсен, Г. (2016). Новое платье короля. М.: Азбука, 48 с.
- Арриги, Дж. (2006). *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Изд. дом «Территория будущего», 472 с.
- Брижак, О. В. (2014). Институциональная трансформация российской экономики: противоречия корпоративного сектора // *Вестник Челябинского государственного университета*, № 9 (338), с. 69–77.
- Бродель, Ф. (2006а). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв., т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь мир, 592 с.
- Бродель, Ф. (2006б). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв., т. 2. Игры обмена. М.: Весь мир, 672 с.
- Бродель, Ф. (2006с). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв., т. 3. Время мира. М.: Весь мир, 752 с.
- Бузгалин, А. В., Колганов, А. И. (2015). Глобальный капитал, в 2 т. М.: ЛЕНАНД, 912 с.
- Гильфердинг, Р. (2011). Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Издательство URSS, 480 с.
- Глазьев, С. Ю. (2013). О политике опережающего развития в условиях смены технологических укладов // *Вестник РАН*, № 1, с. 29–35.
- Глазьев, С. Ю. (2015). Формирование новой институциональной системы в условиях смены доминирующих технологических укладов // *Научные труды Вольного экономического общества России*, т. 190, № 1, с. 37–45.
- Коулман, Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*, № 3, с. 121–139.
- Лукач, Д. (1991). К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 417 с.
- Моравиа, А. (2004). Конформист. Издательство: Лимбус-Пресс, 336 с.
- Мамедов, О. Ю. (2016). И на «игле» можно сидеть с комфортом (опыт экономической публицистики) // *Вопросы политической экономики*, № 4, с. 117–125.
- Нуреев, Р. М. (2016). От старой индустриализации к новой // *Экономическое возрождение России*, № 2 (48), с. 38–44.
- Нуреев, Р. М., Латов, Ю. В. (2015). Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // *Мир России: Социология, этнология*, т. 24, № 2, с. 50–88.
- Сартр, Ж.-П. (2016). *Тошнота*. М.: Издательство АСТ, 608 с.
- Торчинова, О. В., Ермоленко, А. А. (2015). Феномен социальной ответственности в условиях развития интеграционных процессов. Краснодар: Издательство Южного института менеджмента, 278 с.
- Фромм, Э. (1990). Бегство от свободы. М.: Прогресс, 272 с.

- Иншаков, О. В. (ред.) (2005). Homo institutus – Человек институциональный. Коллективная монография. Волгоград: Издательство ВолГУ, 854 с.
- Florida, R. (2006). *The Rise of the Creative Class*. NY: Basic Books.
- Foster, J. (1987). *Evolutionary Macroeconomics*. London, 244 p.
- Garforth, L., and Kerr, A. (2011). Interdisciplinarity and the social sciences: capital, institutions and autonomy // *The British Journal of Sociology*, vol. 62, issue 4, pp. 657–676, DOI: 10.1111/j.1468-4446.2011.01385.x.
- Hayek, F. (2012). *Individualism and Economic Order*. Chicago: The University of Chicago Press, 280 p.
- Krugman, P. R. (2005). *Wells R. Economics*. Worth Publishers, 1200 p.
- Krugman, P. (2017). On Economic Arrogance // *The New York Times*, February 20.
- Leibenstein, H. (1976). *Beyond Economic Man: A New Foundation for Microeconomics*. Cambridge: MA, Harvard University Press, 297 p.
- Mamedov, O., Movchan, I., Ishchenko-Padukova, O., and Grabowska, M. (2016). Traditional economy: innovations, efficiency and globalization // *Economics & Sociology*, vol. 9, no. 2, pp. 61–72.
- Mises, L. (1966). *Human Action: a Treatise on Economics*. Chicago: Contemporary Books Inc., 256 p.
- Piketty, T. (2014). *Capital in the Twenty First Century*. Cambridge, Massachusetts London.
- Pigou, A. C. (1927). *Industrial Fluctuations*. London: Macmillan.
- Sartre, J.-P. (1957). *L'etre et neant*. Paris.
- Sartre, J.-P. (1960). *Critique de la Raison dialectique*. Paris, 761 p.
- Sartre, J.-P. (1996). *Existentialism and humanism*. The continental philosophy reader. London: New York: Routledge.
- Shackle, G. (1972). *Epistemics and Economics. A Critique of Economic Doctrines*. Cambridge.
- Schumpeter, J. A. (1991). The Meaning of Rationality in the Social Sciences, pp. 316–338 / In: R. Swedberg (Ed.). *The Economics and Sociology of Capitalism*. USA-GB.: Princeton University Press.
- Simon, H. (1957). *Models of Man: Social and Rational*. New York: John Wiley and Sons, Inc., 279 p.
- Weber, M. (1978). *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*, vol. 1. Berkely: University California Press, 1469 p.
- Williamson, O. (1993). Transaction cost economics and organization theory // *Industrial and corporate change*, vol. 2, pp. 107–156.
- Wallerstein, I. (1989). *The Modern World-System III. The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840s*. San Diego.

REFERENCES

- Andersen, G. (2016). *The new dress of the king*. Moscow: Publ. House Azbuka, 48 p. (In Russian.)
- Arrighi, J. (2006). *Long twentieth century: Money, power and the origins of our time*. Moscow: Publ. House Territory of the Future, 472 p. (In Russian.)
- Braudel, F. (2006a). *Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries, 1. The structure of everyday life: the possible and the impossible*. Moscow: Ves mir Publ., 592 p. (In Russian.)
- Braudel, F. (2006b). *Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries, 2. Games of exchange*. Moscow: Ves mir Publ., 672 p. (In Russian.)
- Braudel, F. (2006c). *Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries, 3. The time of peace*. Moscow: Ves mir Publ., 752 p. (In Russian.)
- Brizhak, O. V. (2014). Institutional transformation of the Russian economy: contradictions in the corporate sector. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 9, 69–77. (In Russian.)

- Buzgalin, A. V., and Kolganov, A. I. (2015). *Global Capital*, in 2 vols. Moscow: LENAND Publ., 912 p. (In Russian.)
- Coleman, J. (2001). Capital is social and human. *Social sciences and the present*, 3, 121–139 (In Russian.)
- Florida, R. (2006). *The Rise of the Creative Class*. NY: Basic Books.
- Foster, J. (1987). *Evolutionary Macroeconomics*. London, 244 p.
- Fromm, E. (1990). *Flight from freedom*. Moscow: Progress Publ., 272 p. (In Russian.)
- Garforth, L., and Kerr, A. (2011). Interdisciplinarity and the social sciences: capital, institutions and autonomy. *The British Journal of Sociology*, 62(4), 657–676, DOI: 10.1111/j.1468-4446.2011.01385.x.
- Glazyev, S. Yu. (2013). On the policy of advanced development in the conditions of changing technological structures. *Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences*, 1, 29–35. (In Russian.)
- Glazyev, S. Yu. (2015). Formation of a new institutional system in the conditions of changing dominant technological structures. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*, 190(1), 37–45. (In Russian.)
- Hayek, F. (2012). *Individualism and Economic Order*. Chicago: The University of Chicago Press, 280 p.
- Hilferding, R. (2011). *Financial capital. The newest phase in the development of capitalism*. Moscow: URSS Publishing House, 480 p. (In Russian.)
- Inshakov, O. V. (Ed.) (2005). *Homo institutus – Institutional person*. Volgograd: Publ. House of the Volgograd State University, 854 p. (In Russian.)
- Krugman, P. (2017). On Economic Arrogance. *The New York Times*, February 20.
- Krugman, P. R. (2005). *Wells R. Economics*. Worth Publishers, 1200 p.
- Leibenstein, H. (1976). *Beyond Economic Man: A New Foundation for Microeconomics*. Cambridge: MA, Harvard University Press, 297 p.
- Lukács, D. (1991). On the ontology of social being. *Prolegomena*. Moscow: Progress Publ., 417 p. (In Russian.)
- Mamedov, O. Y. (2016). And on the «needle» you can sit with comfort (the experience of economic journalism). *Issues of political economy*, 4, 117–125. (In Russian.)
- Mamedov, O., Movchan, I., Ishchenko-Padukova, O., and Grabowska, M. (2016). Traditional economy: innovations, efficiency and globalization. *Economics & Sociology*, 9(2), 61–72.
- Mises, L. (1966). *Human Action: a Treatise on Economics*. Chicago: Contemporary Books Inc., 256 p.
- Moravia, A. (2004). *Conformist*. Moscow: Limbus-Press Publ., 336 p. (In Russian.)
- Nureyev, R. M. (2016). From old industrialization to new. *The economic revival of Russia*, 2, 38–44. (In Russian.)
- Nureyev, R. M., and Latov, Yu. V. (2015). Post-Soviet institutional development: in search of a way out of the rut of power-ownership. *The world of Russia: Sociology, Ethnology*, 24(2), 50–88. (In Russian.)
- Pigou, A. C. (1927). *Industrial Fluctuations*. London: Macmillan.
- Piketty, T. (2014). *Capital in the Twenty First Century*. Cambridge, Massachusetts London.
- Sartre, J.-P. (1957). *L'etre et neant*. Paris.
- Sartre, J.-P. (1960). *Critique de la Raison dialectique*. Paris, 761 p.
- Sartre, J.-P. (1996). *Existentialism and humanism. The continental philosophy reader*. London; New York: Routledge.
- Sartre, J.-P. (2016). *Nausea*. Moscow: AST Publ. House, 608 p. (In Russian.)
- Schumpeter, J. A. (1991). The Meaning of Rationality in the Social Sciences, (316–338) / In: R. Swedberg (Ed.). *The Economics and Sociology of Capitalism*. USA-GB.: Princeton University Press.

Shachle, G. (1972). *Epistemics and Economics. A Critique of Economic Doctrines*. Cambridge.

Simon, H. (1957). *Models of Man: Social and Rational*. New York: John Wiley and Sons, Inc., 279 p.

Torchinova, O. V., and Ermolenko, A. A. (2015). Phenomenon of social responsibility in conditions of development of integration processes. Krasnodar: Publ. House of the Southern Institute of Management, 278 p. (In Russian.)

Wallerstein, I. (1989). *The Modern World-System III. The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840s*. San Diego.

Weber, M. (1978). *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*, 1. Berkely: University California Press, 1469 p.

Williamson, O. (1993). Transaction cost economics and organization theory. *Industrial and corporate change*, 2, 107–156.